

Солнце медленно клонилось к закату, и сквозь узкую щель в занавесках пробивался тонкий луч, похожий на струю расплавленного золота. Он мягко ложился на деревянные половицы, выхватывая их текстуру из полумрака комнаты.

Шэнь Яо спал на диване, устроив голову на коленях Сюй Ибая. В гостиной тихо шелестел кондиционер, нагоняя приятную прохладу, а сам Яо укрылся мягким пледом.

Проскользнувший в комнату солнечный луч коснулся его сомкнутых век и прочертил на щеке золотистую полосу, придав лицу почти святое, неземное выражение. В этом свете ресницы казались нежными ангельскими крыльями, словно сошедшими с облаков.

Но сквозь сон Шэнь Яо недовольно поморщился. Он прикрыл глаза ладонью и, перевернувшись на другой бок, отвернулся от окна.

— Сюй Ибай... — сонно пробормотал он.

— Я здесь, — тихо отозвался тот. Приподняв нотную тетрадь, он заслонил лицо Яо от навязчивого солнца и бережно натянул плед повыше, укрывая его плечи.

Сон понемногу отступал. Проспав едва ли не всю вторую половину дня, Шэнь Яо наконец открыл глаза.

Запрокинув голову, он снизу вверх посмотрел на Сюй Ибая. Ракурс был довольно странным, но даже так Ибай казался безупречно красивым. Шэнь Яо снова потянуло на капризы; он лениво приподнял руку и коснулся пальцами губ Ибая.

— Который час?

Сюй Ибай не отстранился. Скользнув взглядом по настенным часам, он ответил:

— Уже пятый час.

Шэнь Яо лениво приподнялся и опустился на колени прямо на мягкие диванные подушки. Подавшись вперед, он нежно поцеловал крошечную родинку на кончике носа Ибая. Легкий ветерок от кондиционера мягко шевелил непослушные пряди у него на затылке.

Шёл седьмой день с тех пор, как он заговорил о расставании, и третий — с тех пор, как они заперлись вместе в этой квартире.

Временная метка на его теле не продержалась и полусуток, а единственный след от укуса, напоминавший о близости, почти сошел на нет. Кожа на шее снова стала гладкой и чистой, лишая его всяких признаков принадлежности к какому-либо альфе.

Все эти дни Шэнь Яо вел себя на редкость послушно и кротко. Он буквально не отходил от Сюй Ибая ни на шаг, ловя каждое движение и изображая глубокую тревогу всякий раз, когда тот отлучался хотя бы на минуту.

Казалось, он действительно завел разговор о разрыве лишь от отчаяния и уязвимости, а теперь, испугавшись собственной строптивости и боясь навлечь на себя гнев любимого, готов был буквально раствориться в нем, не выпуская из объятий.

Обхватив Ибая за шею, Яо приблизился к нему вплотную. Их губы разделяли считанные миллиметры; он смотрел завороченно, прямо в глаза, безмолвно выпрашивая поцелуй.

Помедлив мгновение под этим умоляющим взглядом, Сюй Ибай сдался и мягко подался вперед.

Нежно очертив ладонями его скулы, Шэнь Яо прижался к его губам и легко перекинул ногу через его бедра, устраиваясь сверху. Поза была идеальной для близости. Яо целовал напористо и жадно, увлекая за собой. Его плечи то напрягались, то расслаблялись в такт рваному дыханию, но он не желал останавливаться ни на миг, а его пальцы лихорадочно блуждали по спине Ибая, сжимая ткань домашней одежды.

Сначала руки Ибая бережно лежали на плечах омеги, но постепенно скользнули ниже, уверенно обняв его за тонкую талию.

Поцелуй становился всё более глубоким и неистовым, пока не перерос в нечто большее. Сюй Ибай легко подхватил Шэнь Яо на руки и, не разрывая объятий, унес в спальню, плотно прикрыв за собой дверь.

Изначально Шэнь Яо взял в балетной труппе отпуск на неделю, рассчитывая дать Ибаю время остыть и все обдумать. Однако безумный хаос последних дней вынудил его продлить отсутствие еще на несколько суток.

Впрочем, жизнь постепенно возвращалась на круги своя. Сюй Ибай сам привез его к зданию театра. Прощаясь, Шэнь Яо ласково коснулся губами его щеки.

Привычным путем поднявшись в репетиционный зал, Яо обнаружил, что пришел раньше всех. В просторном помещении находилась лишь преподавательница.

Услышав шаги, Чжо Жань обернулась. В её глазах мгновенно вспыхнуло беспокойство.

— Яояо, вернулся? Я только недавно приехала и узнала, что ты сильно простудился. Приготовила для тебя домашний питательный бульон, обязательно выпей его в обед, хорошо?

Они с матерью Шэнь Яо дружили еще со студенческой скамьи, вместе начинали карьеру на сцене, а теперь Чжо Жань вела занятия у нового поколения артистов.

— Здравствуйте, тётушка Чжо, — мягко ответил он, снимая с плеча спортивную сумку. — Всё уже в порядке, жар давно спал.

На его лице появилась вежливая, чуть виноватая улыбка:

— Но бульон я, пожалуй, не буду. Заберите его домой, угостите дядю.

Отказ не стал для Чжо Жань сюрпризом. Она лишь тихо, с привычной покорностью вздохнула.

После безвременной кончины матери Яо она поклялась себе заботиться о мальчике, однако судьба распорядилась иначе: тогда, на похоронах, ей удалось увидеть его в последний раз перед долгой разлукой.

Когда они встретились вновь, Шэнь Яо уже учился в университете. Прежний очаровательный ребенок превратился в на редкость красивого юношу, чья утонченность приковывала взгляды.

В тот день Чжо Жань не смогла сдержать слез и порывисто шагнула вперед, желая обнять его, однако Яо мягко и совершенно неуловимо уклонился от прикосновения.

Он лишь протянул ей бумажный платок. Да, он помнил её и ласково звал тётушкой Чжо.

Но непреодолимая, вежливая стена отчуждения между ними оставалась незыблемой.

Вечерние сумерки уже сгустились над городом, когда репетиция подошла к концу. Отыскав на парковке машину Сюй Ибая, Шэнь Яо небрежно закинул сумку на заднее сиденье и скользнул в салон.

— Поехали поужинаем. Я уже заказал столик.

Пальцы Ибая на рулевом колесе на мгновение замерли.

— Куда именно?

Шэнь Яо тепло улыбнулся. Его губы дрогнули в чистой, почти детской улыбке. Он назвал адрес — роскошный панорамный ресторан на верхнем этаже небоскреба. Тот самый, где несколько лет назад Сюй Ибай признался ему в любви.

Яо внимательно следил за реакцией Ибая, ловя каждую тень сомнения на его лице. Заметив,

как смягчился взгляд альфы, он тихо повторил:

— Ну так что, поедем?

Он слишком хорошо изучил Сюй Ибая. Тот был неисправимым романтиком, трепетно хранившим воспоминания о прошлом, и стоило задеть эти невидимые струны души, как лед в его сердце начинал таять.

Оборона Ибая медленно рушилась. Руки бессильно соскользнули с руля. Все эти дни он продолжал заботиться о Шэнь Яо с прежней нежностью, стараясь ничем не выдавать затаенную боль.

Сюй Ибай принимал его поцелуи, не отвергал ласки и изо всех сил пытался поверить, что глупые слова о расставании были продиктованы лишь страхом его потерять. И всё же в глубине души оставалась рана, которая никак не затягивалась.

Повернувшись к омеге, он наконец разомкнул плотно сжатые губы:

— Поедем.

Шэнь Яо умудрился забронировать ту самую приватную кабину. На столе в изящной вазе благоухали алые розы, а за панорамным стеклом расстился ночной город, сияющий миллионами огней, словно далекая галактика. Этот звездный свет отражался в темных глазах Яо.

— Помню, как только вошел сюда в тот вечер, сразу понял, что ты собираешься признаться мне, — с улыбкой проговорил Шэнь Яо, подперев подбородок ладонью. — На твоём лице всё было написано. Ты никогда не умел скрывать свои чувства.

Сюй Ибай завороченно смотрел на него.

— Неужели это было так заметно?

— Ещё как, — негромко рассмеялся Яо и кокетливо задел мыском туфли его ногу под столом.

— Ну же, перестань дуться. Давай помиримся?

— Я знаю, что сглупил и поступил слишком опрометчиво... Обещаю, этого больше не повторится, — он заглянул Ибаю в глаза с обезоруживающей искренностью. — Гэгэ, ты ведь понимаешь меня? Ты ведь простишь своего Яояо?

Из холла доносились нежные, умиротворяющие звуки скрипки. Рука Ибая бессильно покоилась на колене. Как и прежде, вопреки здравому смыслу, его сердце предательски растаяло.

— Хорошо, — глухо отозвался он и медленно кивнул. — Но пообещай, что слово «расставание» больше никогда не сойдет с твоих губ.

Шэнь Яо просиял и, порывисто поднявшись со своего места, бросился к нему на шею. Сюй Ибай крепко прижал его к себе.

Но внезапная, уродливая мысль обожгла его разум: ведь перед тем, как бросить его, Яо вел себя точно так же. Он точно так же ворошил старые нежные воспоминания, превращая их в изощренную прелюдию к сокрушительному удару.

Ибай старался дышать ровно, но в голове настойчиво стучал вопрос: «Действительно ли это искреннее раскаяние? Или, приняв это извинение, я просто даю ему шанс растоптать меня снова?»

Пока он терзался сомнениями, Шэнь Яо мягко переплел свои пальцы с его и тихо спросил:

— А ты знаешь, почему я подготовил то сольное выступление?

Не дожидаясь ответа, он продолжил сам. Голос его звучал вкрадчиво, почти шепотом, но в нем сквозила пугающая, холодная решимость:

— Если бы мы расстались насовсем... Я хотел сделать так, чтобы ты никогда не смог меня забыть.

В этом Шэнь Яо не лгал. Он действительно жаждал навсегда остаться в памяти Ибая безупречным, недостижимым идеалом. Только так финал их истории был бы по-настоящему совершенным.

Сюй Ибай растерянно замер. После долгого молчания он осторожно коснулся ладонью лица омеги и тихо, с бесконечной покорностью произнес:

— Я и без того никогда бы тебя не забыл.

Блюда в ресторане были отменными, вкус остался прежним. Но на середине ужина лежавший на столе телефон Шэнь Яо внезапно ожил, заиграв резкой мелодией звонка.

Взгляд Яо мгновенно ожесточился, а аппетит пропал без следа.

Шэнь Фулинь никогда не беспокоил его без веской причины, и этот внезапный звонок от дяди не предвещал абсолютно ничего хорошего.

Спокойно отложив приборы под выжидающим взглядом Ибая, он сохранил на лице безмятежное выражение и нажал на кнопку приема:

— Да, дядя. Что-то случилось?

Динамик работал тихо, не давая посторонним расслышать разговор. Наедине Шэнь Фулинь никогда не церемонился и не скрывал своего истинного лица, но сейчас его тон казался непривычно мягким — ту же притворную маску благородства он обычно надевал на публике.

— Яояо, ты где сейчас?

— Ужинаю в ресторане, — помедлив секунду, ответил Яо. — Что-то срочное?

— Немедленно возвращайся домой, — в голосе Шэнь Фулиня вновь проступили властные, бескомпромиссные ноты. — Сбрось адрес, я пришлю за тобой машину.

Пальцы Яо медленно поглаживали гладкий корпус телефона. Выдержав короткую паузу, он опустил глаза и неохотно продиктовал координаты.

Сбросив вызов, он виновато покрутил трубку в руках и, слегка нахмурившись, обратился к Ибаю:

— Дома какие-то неприятности, нужно срочно приехать.

Сюй Ибай замер. Уголки его губ, только что тронутые улыбкой, снова напряженно опустились. Он уставился на омегу потемневшим, тяжелым взглядом.

Лишь в это мгновение Шэнь Яо с ужасом осознал нелепость ситуации: ведь именно под этим предлогом он когда-то сбежал от Ибая в прошлый раз. Кто бы мог подумать, что ложь обернется чистой правдой в самый неподходящий момент.

То, что Ибай не поверил ни единому слову, было вполне ожидаемо.

— В прошлый раз я действительно соврал тебе, но сейчас это чистая правда, — спокойно, без тени смущения произнес Яо. Он мягко накрыл своей ладонью руку Ибая, пытаясь унять его тревогу. — Мне правда нужно к семье. Ты же сам слышал голос в трубке.

Но во взгляде Ибая по-прежнему читалось глухое недоверие.

Понимая, что лед понемногу тронулся, Яо ласково сжал его пальцы и легонько покачал их из стороны в сторону:

— Дядя требует моего присутствия, я не могу просто проигнорировать его приказ. Обещаю, я вернусь сегодня же ночью.

Сюй Ибай молча разглядывал его лицо. Он мысленно приказал себе: раз уж решил простить и верить, не смей поддаваться сомнениям. Подозрительность разрушит их хрупкую связь быстрее любого предательства.

— Езжай, — наконец выдохнул он. — Но заклинаю тебя, Шэнь Яо... не смей мне больше лгать.

Спустя пару минут телефон зазвонил вновь. Шэнь Фулинь лаконично скомандовал спускаться — машина ждала внизу.

Большая часть изысканных блюд так и осталась нетронутой. Попросив Ибая закончить ужин без него, Яо наскоро собрался и покинул зал.

Сюй Ибай долго смотрел вслед уходящему омеге. Пальцы до белых костяшек сжали рукоять ножа.

— Пожалуйста, не лги мне... — едва слышно прошептал он в пустоту.

Лифт стремительно падал вниз, вызывая легкое чувство невесомости в груди. Шэнь Яо лихорадочно соображал: что заставило его вечно расчетливого дядю устроить этот спешный вызов?

Он достал телефон и быстро ввел одиннадцатизначный номер. Цифры на визитке Янь Чжисина были на редкость простыми, а на память Яо жаловаться не приходилось.

Разумеется, даже если бы Ибай не наткнулся на ту визитку в кармане, Яо всё равно избавился бы от нее. Однако его врожденная привычка всегда готовить себе путь к отступлению заставила его заучить контакты этого мужчины наизусть еще во время их поездки.

Снаружи, у парадного входа, его ждал представительский черный седан. Шэнь Яо невольно замедлил шаг, заметив, что из-за руля навстречу ему выходит Чэнь Шуан.

Помощник предупредительно распахнул заднюю дверцу и сделал приглашающий жест.

Сквозь полумрак салона Яо разглядел безупречные линии дорогого мужского костюма, длинные ноги и начищенные до зеркального блеска туфли Янь Чжисина.

Юноша застыл на месте, не торомясь садиться внутрь.

— Шэнь Яо.

Он впервые услышал, как этот человек произносит его имя. В его ледяном, глубоком голосе звенел привычный приказной тон:

— Садись.

Но Яо не сдвинулся с места.

Уловив безмолвное сопротивление омеги, Янь Чжисин ровным, лишенным эмоций голосом добавил:

— Я навел о тебе справки и уже успел переговорить с твоим дядей.

Хотя Шэнь Яо и предполагал нечто подобное, его лицо на миг исказилось от досады. Он неохотно скользнул на кожаное сиденье.

В салоне не было никаких искусственных ароматизаторов — лишь дорогой, едва уловимый запах натуральной кожи.

Расположившись напротив, Шэнь Яо холодно поинтересовался:

— По какому поводу господин Янь решил почтить меня своим вниманием?

Янь Чжисин повернул голову. Его темно-синие, глубокие глаза, казалось, проникали в самую душу.

— Я оставил тебе свою визитку. Почему ты не позвонил?

— Разве правила вежливости не требуют сначала ответить на мой вопрос? — парировал Яо.

Фигура мужчины тонула в полумраке автомобиля, а резкие, хищные черты лица казались каменным изваянием. Очевидно, он не привык к столь дерзким возражениям. Тяжелый, почти осязаемый взгляд Янь Чжисина пригвоздил омегу к месту.

Наконец он произнес:

— Чего ты хочешь?

— У меня слишком много желаний, — Шэнь Яо небрежно положил ладонь на колено и лукаво

прищурился. — Но моё первое и главное условие: что бы вы ни пообещали Шэнь Фулиню взамен на меня, вы должны забрать свои слова обратно.

Янь Чжисин без малейших колебаний едва заметно кивнул в знак согласия.

Осознав, что разговор пошел по его правилам, Шэнь Яо окончательно расслабился. Откинувшись на спинку сиденья, он с любопытством спросил:

— А какова ваша цена? Что нужно вам?

Лицо мужчины оставалось бесстрастным, но пальцы принялись медленно вращать тяжелый перстень на большом пальце. Он разыскивал этого омегу долгие годы далеко не из-за праздного воспоминания о бурной ночи. Причина была куда глубже и опаснее.

Оставив метку на шее Шэнь Яо той безумной ночью, Янь Чжисин навсегда утратил способность чувствовать аромат других омег. Но хуже всего было то, что у него развился непреодолимый, граничащий с безумием синдром зависимости от феромонов именно этого конкретного человека.

Стоило ему уловить хотя бы мимолетную ноту аромата абрикосового цвета, как самообладание давало трещину. И всё же феромоны Яо были необходимы ему как воздух — словно единственное спасительное лекарство для смертельно больного.

С момента их первой встречи уровень стабильности его собственных феромонов упал до критических значений, регулярно погружая его в приступы неконтролируемой, иссушающей ярости.

Обычные медикаменты и блокаторы феромонов давно перестали помогать; его истерзанный разум отчаянно требовал успокоения, которое мог подарить лишь один-единственный омега. До конца своих дней Янь Чжисин был обречен принадлежать Шэнь Яо.

Подобная слабость могла стать смертным приговором. Будучи человеком до паранойи осторожным, Янь Чжисин не собирался раскрывать карты. Он не расскажет омеге правду — ни о своем пагубном синдроме зависимости, ни о событиях той далекой ночи — до тех пор, пока не подчинит его своей воле без остатка.

Поэтому он ответил предельно лаконично:

— Мне нужны твои феромоны.

Консилиум врачей уверял его, что этот синдром зависимости обоюдоострый. Отыскав своего омегу, альфа не просто спасал собственную жизнь — он избавлял от неминуемого безумия их обоих.

Иначе со временем, лишённые взаимной близости и поддержки, они оба окончательно утратили бы рассудок, сгорев в адском пламени собственной физиологии.

<http://bllate.org/book/18245/1748442>